

Е.В. Терентьева

Отзыв на московскую конференцию «Расширение сознания: новые горизонты трансперсональной и юнгианской психологии»

Хочется начать с воркшопов. Первый, который я посетила, проводила Елена Романченко. Она является одним из ведущих специалистов Московского Института Процессуальной Психотерапии, и, как и следовало ожидать, данный воркшоп был посвящен процессуальной терапии А.Минделла и назывался...

«Выход за границы обычной идентичности в процессуальной терапии через работу с телом».

Арнольд Минделл прошел подготовку, и долгое время работал как юнгианский аналитик. Изучая различные шаманские практики, он исследовал способы общения с духами посредством тела, что впоследствии позволило ему обозначить собственное направление в глубинной психологии. Минделл считает, что работа со сновидениями может быть развернута: а) во внешнем мире; б) в теле.

В основе процессуальной терапии лежат два философских принципа:

1. «Концепция устройства мира» – в любом процессе есть смысл
 2. «Двойственность» – нет хороших и плохих процессов, каждый процесс нас куда-то ведет.
- Различаются *первичные* и *вторичные* процессы. Первичными считаются привычные нам мысли и ощущения, обуславливающие нашу идентичность (я – такой-то). Вторичные процессы – это то, с чем я не идентифицируюсь. Вся психосоматика и психопатология вообще – это вторичные процессы.

Процессуальные терапевты работают, «считывая» вторичные процессы и создавая условия для их последовательного разворачивания.

Существует понятие «края» и «краевой фигуры». Край это разделительная линия между вторичными и первичными процессами. Задача краевой фигуры – не допустить вторичные процессы к осознанию. Таким образом, она охраняет привычные границы личности (идентичность). Краевая фигура может состоять из детско-родительских интроектов, остатков жизненного опыта, может содержать посттравматическое расстройство. Симптом – это результат взаимодействия первичных и вторичных процессов. Начинается это взаимодействие с легких ощущений. Если они остаются незамеченными, тогда симптом «утяжеляется».

При работе процессуального терапевта с симптомом имеет место «временная очарованность симптомом». Клиента просят рассказать о симптоме; подробно описать, как он ощущается. Терапевт обращает внимание на какие-либо характерологические движения, возникающие в процессе рассказа и задает вопросы типа: что может значить это движение. Когда симптом уже четко локализован, клиенту предлагается его нарисовать.

Далее работа может проводиться по двум направлениям.

1. Создаются условия для разрядки энергии, которая «заперта» в симптоме и воплощения ее в некий процесс, который разворачивается в терапевтическом пространстве. Терапевт с помощью различных приемов как бы помогает клиенту действовать от имени симптома.
2. Исследуется скрытый фактор, который создает симптом. Основной вопрос (*кто* это делает?) разрешается с помощью активного воображения.

Клиенту предоставляется выбор, по какому из путей ему больше хочется пойти. Хотя любое из направлений, в конечном счете, приводит к раскрытию смысла симптома и осознанию его роли в жизни клиента. Работа ориентирована не на сиюминутное избавление от симптома, а на осознанное участие в процессе, который он порождает.

«Полет Лилит над колыбелью»

Воркшоп Юлии Казакевич и Анны Скавитиной был посвящен уже знакомому нам образу Лилит. Это была попытка осознания антирепродуктивного опыта, который знаком каждой женщине. Это бесплодие, выкидыши, смерть в родах, аборты, травматический опыт матери при родах, смерть младенцев. Этот опыт постыден, и о нем стараются не говорить.

Любопытны изменения образа Лилит в историческом контексте. И если первое упоминание о Лилит – зверюшка, демонесса низкого уровня (информация была взята авторами воркшопа из книги Р. Патай «Иудейская богиня»), то далее она уже представляется стройной девицей с крыльями и лапами Совы (миф о Гильгамеше) стоящей на спинах двух львов. Во втором веке

нашей эры Лилит начинают рассматривать как угрозу для жизни и здоровья ребенка (в этот период происходит увеличение ценности детей в обществе). В VI веке н.р. значимость Лилит и страх перед ней растет. Ее образ усложняется – она становится антропоморфным существом; появляется развитая культура обращения с ней (миф о договоре между ангелами Иеговы и Лилит, обереги, которые носят женщины, защитные ритуалы и т.п.). И, уже в XVI веке она появляется в каббалистическом мистицизме в компании с верховным демоном Самаэлем. Ведущие задаются вопросом, почему на сегодняшний день образ Лилит практически исчез из коллективной психе? Где он? И каким образом он может проявляться в индивидуальной психике?

Далее ведущие воркшопа провели небольшой практикум. Это была ролевая игра, в которой сошлись Лилит, ангелы-защитники, женщина-клиент (сантирепродуктивным опытом) и терапевт. Участники были разбиты на группы по четыре человека. Целью практической части было «вынесение» Лилит за рамки индивидуальной психики и осознание ее психологической реальности посредством ее воплощения в отдельную фигуру. Это позволило участникам преодолеть скрытую идентификацию Эго с образом Лилит и осознать характер взаимодействия с ней.

И, наконец, перехожу к основному докладчику, к профессору Гарри Ханту. Мне не очень удалось постичь смысл его лекций. Возможно, основное, это идея «потока», но, по-моему, у Кастанеды об этом написано лучше. В целом, лекции Гарри Ханта – это смесь философии, юнгианства, психоанализа, буддизма, переведенная на академический язык.